

Марг рисовый Аполлонъ.

Я—мужчина, и не люблю у себя слезъ. Но, честное слово, хотѣлось заплакать—просто безпомощно, дѣтски заплакать—когда я открылъ первую книгу „Аполлона“ и прочиталъ:

— Жасминовые тирсы нашихъ первыхъ менадъ примахались быстро.

Потомъ я вчитался и въ эту и въ другія статьи журнала, но первое впечатлѣніе не расплылось, а сосредоточилось и стало толстымъ рельефомъ.

Что-же это такое? Аполлонъ—древнѣйшій богъ свѣта. Богъ солнечнаго свѣта.

Имя Аполлона перешло въ вѣка потомковъ, какъ символъ высшаго просвѣтлѣнія, божественной ясности.

Мы—читатели—замучены литературнымъ „без-аполлонизмомъ“, литературнымъ „анти-аполлонизмомъ“. Литература послѣднихъ временъ была несвѣтла, несолнечна; о ясности ужъ нечего и говорить.

Это была литература пятень, обрывковъ, блякъ—въ произведеніяхъ „младшихъ боговъ“. Это была литература тумановъ, затмений, черныхъ безднъ—въ произведеніяхъ „старшихъ боговъ“.

Но ни *di majores*, ни *di minores* литературы не служили истинному богу Аполлону—богу солнечнаго свѣта, богу просвѣтленнаго духа въ человѣкѣ.

Стоитъ раскопать свѣжіе московскіе курганы, чтобы убѣдиться, какія мрачныя, неаполлоническія эмблемы хранятся въ любой могилѣ минувшаго вѣка „Вѣсовъ“ и „Золотога руна“.

Мы истомились въ книжной безвоздушности. Мы устали отъ темныхъ словъ. Мы стонемъ отъ „куда-то“, „зачѣмъ-то“, „какъ то“ манящихъ образовъ, уводящихъ довѣрчивыхъ въ безпросвѣтный туманъ. Мы извѣрились во всѣхъ, кто обѣщаетъ намъ „что-то“, ибо это самое щедрое и самое невыполнимое слово земля.

Въ такую нашу пору мы услышали объ „Аполлонѣ“. Въ такой грустный нашъ часъ мы прочитали въ предисловіи журнала, что

„Аполлонъ“ хотѣлъ бы назвать своимъ только строгое исканіе красоты, только свободное, стройное и ясное, только сильное и жизненное искусство за предѣлами болѣзненнаго распада духа и дже-новаторства“.

Кромѣ этихъ прекрасныхъ словъ мы прочитали еще, что задачей „Аполлона“ ставится:

„...непримиримая борьба съ печестностью во всѣхъ областяхъ творчества, со всякимъ посяганіемъ на хорошей вкусъ, со всякимъ обманомъ—будь то выдуманное ощущение, фальшивый эффектъ, притязательная поза или иное злоупотребленіе личинами искусства“.

Ахъ, зачѣмъ такъ много! Это слишкомъ хорошо. Спасибо, спасибо. Намъ бы только передохнуть на свѣжемъ воздухѣ литературной мысли, только-бы вдохнуть въ себя здоровую струю яснаго искусства, только бы услышать человѣчески-прекрасное слово для нашихъ человѣчески-замученныхъ, истосковавшихся душъ.

Такъ думалось намъ, когда мы трепетно разрѣзывали первую книжку новаго журнала. Такъ еще вѣрилось намъ, когда мы робкимъ, взволнованнымъ взоромъ принимали къ строкамъ:

— Жасминовые тирсы нашихъ первыхъ менадъ примахались быстро.

Мы смутились. Но подумали сначала: ну, что-жъ такое? Гдѣ Аполлонъ, тамъ могутъ быть и менады. Разъ тирсами, украшенными жасминомъ, можно махать, то поймемъ, что они „примахались“.

Но когда мы дальше услышали отъ г. Ин. Анненскаго, что „не знаешь, чему болѣе изумляться: точности ли изображенія, или его колориту“ въ стихотвореніи В. Иванова, написанномъ „съ обычнымъ мастерствомъ поэта, стяжавшаго себѣ извѣстность великолѣпиемъ своихъ вакхическихъ изображеній“:

Царь изрылъ тайникъ и нѣдрамъ
Предаль матернимъ ковчегъ,
А изъ нихъ въ цвѣтеньи щедромъ,
Глядь—смоковничный побѣгъ.

Когда отъ М. Волошина мы узнали, что „властные и цѣлящіе токи идутъ отъ этихъ деревьевъ, токами еще болѣе глухими и тайными овѣвають душу алтари его торжественныхъ горъ и зеркала горныхъ озеръ колдуютъ небо“.

Когда г. Мейерхольдъ съ тоскливой назойливостью сталъ увѣрять насъ на дальнѣйшихъ страницахъ, что „встаетъ передъ нами другая проблема: „Театръ, какъ Празднество“, а В. Ивановъ нашу скорбь зрителей объ истинномъ театрѣ утоляетъ предложеніемъ намъ „дѣйствовать самимъ въ планѣ идеальнаго дѣйствія сцены“.

Когда, прочитавъ такъ страницу за страницей этого новаго, списаннаго со многихъ старыхъ, журнала, мы горько убѣдились, что обмануты, что

Т Е А Т Р Ъ

САТУРН

НЕВСКІЙ, 67, противъ Надеждиной.

Ставятся исключительно новинки художественнаго исполненія.

ПЕРЕМѢНА ПРОГРАММЪ

ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Аполлонъ—маргариновый, что не пришелъ еще „богъ солнечнаго свѣта“ въ нашу тусклую, нищую литературу,—тогда...

Тогда мы про себя заплакали отъ боли обидной ошибки. А вслухъ сказали:

— Неправда. Возвращаемъ вамъ по принадлежности все, съ чѣмъ вы будто бы хотѣли бороться. Ибо у васъ, именно у васъ, мы нашли всѣ болѣзни, оставленныя вамъ дурною наследственностью только что скончавшихся московскихъ вашихъ предковъ:

— „Распадъ духа“.

— „Лженоваторство“.

— И при всемъ этомъ—„притязательную позу“.

Albus.

Первое представленіе „Грозы.“

15-го ноября исполняется 50 лѣтъ со дня первой постановки драмы А. Н. Островскаго „Гроза“ на сценѣ Императорскаго московскаго Малаго театра.

Изъ участвующихъ въ первомъ представленіи этой драмы артистовъ осталась въ живыхъ только Н. В. Рыкалова, въ сценической карьерѣ которой роль „Кабанихи“ сдѣлала цѣлый переворотъ, выдвинувъ ее въ первый рядъ исполнительницъ характерныхъ ролей пожилыхъ женщинъ театра Островскаго, написавшаго для нее впоследствии роли Уланбековой и Мавры Тарасевны въ комедіяхъ „Воспитанница“ и „Правда хороша, а счастье лучше“.

Н. В. Рыкалова прослужила на Императорской сценѣ 49 лѣтъ (съ 1846 до 1895), оставивъ ее 71 года отъ роду. До появленія „Грозы“ Рыкалова занимала второстепенное мѣсто. Роль Кабановой дала ей сразу видное положеніе на сценѣ. Сыграла она ее очень хорошо. За пятьдесятъ лѣтъ Рыкалова была лучшая исполнительница этой роли, не исключая даже высокодаровитой Ю. Н. Линской. Своєю умной игрой Рыкалова прекрасно выразила въ ней самодурство, суровость, безчувственность Кабанихи, заглушившую въ себѣ все человѣческое, разумно нравственное, ставящую выше всего обычай суровой старины и неподвижный обрядъ...

Вообще „Гроза“ въ этотъ спектакль, который живо сохранился въ моей памяти, была разыграна превосходно. В. Броздина и Сергій Васильевъ были въ ней выше похвалы. Варвара въ мастерской, безукоризненно-мастерской игрѣ В. Броздиной явилась: ловкой, бойкой, опытной дѣвушкой, съ грубоватыми, рѣзкими пріемами своего быта, отпечаткомъ матеріальности, вслѣдствіе неотразимаго полнаго вліянія того быта. Второе мѣсто послѣ В. Броздиной занималъ въ пьесѣ Сергій Васильевъ; онъ представилъ въ Тихонѣ Кабановѣ жалкое созданье, для котораго борьба съ законнымъ въ неподвижной старинѣ семейнымъ бытомъ, уже невысказанно.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА РЫКАЛОВА.

Старѣйшая драматическая артистка Императорскихъ театровъ, участвовавшая въ 1-мъ представленіи „Грозы“.

Слабые и рѣзкіе его порывы любви—ничто больше, какъ безсознательныя движенія души; послѣдній укоръ его матери надъ трупомъ жены—не болѣе, какъ бесполезная жалоба, жалкое, беспильное признаніе въ своей собственной слабости. Сергій Васильевъ имѣлъ въ этой роли успѣхъ колоссальный. Его вызывали въ этотъ вечеръ, по окончаніи пьесы, болѣе двадцати пяти разъ, что отмѣчено въ вечеромъ рапортѣ режиссера Малаго театра. Г-жа Кошицкая, какъ опытная актриса, въ Катеринѣ удачно выразила одну сторону этого характера: борьбу съ самой собой, превосходно провела сцену съ Варварою, прекрасно произнесла монологъ съ ключомъ, но другая сторона—борьбы съ семьею—исполнена была ею менѣе удачно. Гг. П. Садовскій (Дикой), Дмитревской (Кулигинъ), В. Ленскій (Кудряшъ), г-жа Акимова (Феклуша). — жили на сценѣ, какъ подлинныя лица живой дѣйствительности, съ рѣзкими, самобытными чертами. Диссонансомъ этого удивительнаго ансамбля былъ только одинъ г. Червышевъ (Борисъ), расплывшійся въ однообразной, „воздыхательной“ чувствительности и рѣшительной не попадавшей въ тонъ другихъ исполнителей.

М. В. Карѣевъ.

Турецкій театръ.

Изъ недавнихъ константинопольскихъ впечатлѣній.

Мы въ одномъ изъ константинопольскихъ театровъ, въ Шерзиды-Баши—сердцѣ Стамбула. Въ немъ много сходства съ европейскимъ. Тѣ же ложи, партеръ, галлерей, но—въ общемъ—больше уюта. Преобладаетъ алый цвѣтъ, столь излюбленный турками. Вся обивка ложъ, креселъ—алая, алая фесы. По случаю Байрама, много публички, преимущественно военной: солдаты, кадеты, офицеры, бимбаши. Остальная—лавочники, пекари, ремесленники. Свѣтлѣетъ и бѣлая чалма хаджи.